

Хильота В.В.

*Гродненский государственный университет
имени Я.Купалы, заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии, к.ю.н.,
доцент*

КОРЫСТНАЯ ЦЕЛЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ

Давно общеизвестно, что преступная корысть является одним из самых древних и очень опасных стимулов антиобщественного поведения людей. Преступное корыстолюбие как отрицательное качество и как факт общественной жизни возникло и развивалось вместе с возникновением и развитием собственности, зарождением антагонистических противоречий между трудом и капиталом, личными и общественными интересами.

С учетом этапов развития цивилизации корысть в жизни человека выполняла различные функции. Первоначально мотив корысти вызывался необходимостью удовлетворения природного инстинкта самосохранения человека путем утоления (за счет своего соплеменника или родича, чаще всего лишая его жизни) чувства голода, приобретения средств и орудий охоты, промысла, жилья и одежды и т.д. [1, с. 219]. На данном этапе человеческого развития корыстная мотивация (целенаправленность) преступного поведения не является основанием различения преступных посягательств на собственность и дифференциации ответственности за них, т.к. господство общинных форм собственности не способствует распространению корысти как таковой (чем больше экономического равенства, тем слабее выражены хищнические мотивы, корысть заменена мотивами кровной мести).

Дело в том, что в ранний период развития человечества главным объектом собственности была пища. Коллективная собственность и уравнительное ее распределение определялись объективной необходимостью в нейтрализации случайности при добывании пищи, в условиях, когда «весь или почти весь общественный продукт является жизнеобеспечивающим, когда

избыточный продукт отсутствует или мал». Постепенно, материальные блага, присваиваемые непосредственно как продукты природы, стали дополняться вещами, орудиями, созданным самим человеком. Корыстные устремления на данном этапе реализуются группой, родом, племенем и направлены на прибавочный продукт другой группы, рода, племени. Здесь корысть носит коллективный и эпизодический характер. Как полагают в этом отношении М.Г.Миненок и Д.М.Миненок, именно стремление к присвоению появившегося прибавочного продукта и есть нечто иное, как корысть [2, с. 17].

В самом общем виде корысть есть стремление одних людей к завладению средствами существования других. Таким образом, корысть как стремление к присвоению материальных ценностей появляется при определенных социальных предпосылках. Как таковая она возникает вместе с возникновением частной собственности, появлением государства, разделением общества на классы. Этим обстоятельством и можно объяснить тот факт, что с развитием отношений собственности и порождением социально-экономического неравенства, корыстные намерения стали причиной разделения и выделения преступлений против имущества от посягательства на чужую собственность.

Вместе с тем развитию имущественных отношений соответствует усложнение объекта имущественных посягательств, что в свою очередь влечет изменение понимания корыстной цели в преступлениях против собственности (имущественных преступлениях). Если, например, при похищении имущества путем насилия и угроз (при грабеже или разбое) корыстную цель можно определить как приобщение виновным чужой движимой вещи к сфере своего фактического господства, обращение имущества в собственность виновного, то последующее общественное развитие требовало более широкой трактовки насильственного имущественного посягательства. Корысть перестала выполнять исключительно функцию потребительско-материального самосохранения, вследствие чего корыстную цель в имущественных преступлениях стали трактовать как получение имущественной

выгоды (намерение обогатиться). В немалой степени такое положение вещей обязано экономической структуре буржуазного общества, потому как процесс производства порождал новые стимулы социальной активности личности.

Вместе с тем, русские дореволюционные криминалисты в своем большинстве считали, что, хотя корысть и присуща посягательствам на собственность, но их обязательным признаком не является. Например, В.В.Есипов отмечал, что желание при хищении чужого имущества «обнимает намерение взять вещь по мотиву корысти с целью присвоения». При этом он полагал, что цель присвоения означает желание прекратить чужое владение, чужое юридическое господство собственника над вещью и обратить ее в свое владение, приобрести права собственника. При этом мотив корысти «означает все те побуждения и стимулы, которые имеют своим основанием желание противозаконного обогащения» [3, с. 151] (В.В.Есипов не считал похищением взятие чужих съестных припасов для раздачи бедным, подобные случаи являлись самовольным пользованием чужим имуществом). Напротив, С.В.Познышев считал, что цель присвоения «заключается не непременно в извлечении для самого себя выгод из чужого имущества, т.е. не всегда корыстная» [4, с. 195].

По мнению Л.Е.Белогриц-Котляревского преступное действие с внутренней стороны предполагает корыстное намерение, направленное на присвоение себе чужого движимого имущества безвозмездно. Корыстное намерение присвоить себе вещь безвозмездно следует понимать как «намерение обратить ее в собственность путем безвозмездного захвата». В этом направлении намерения вора на присвоение и состоит корыстный элемент умысла при хищении. Что же касается иных отдаленных мотивов (желание обогатиться, алчность, желание оказать кому-либо, находящемуся в состоянии нужды, помощь и т.д.), то по утверждению Л.Е.Белогриц-Котляревского, все они безразличны (при определении свойства умысла вора незачем обращаться к побудительным мотивам, цели преступника) [5, с. 403-404]. Главное, чтобы вор имел корыстное намерение присвоить себе чужое имущество.

Таким образом, субъективный компонент в хищении сводился к *цели присвоения вещи*. Такое положение вещей было обязано доктрине немецкого уголовного права, где присвоение рассматривалось как осуществление правомочий, составляющих содержание собственности, по отношению к чужой вещи. Следовательно, похищение с целью присвоения означало установление владения в виде собственности. Германское уголовное право отказалось от требования «корыстного намерения» в понятии воровства (похищения), которое «не являлось преступлением, направленным на обогащение» [6, с. 193]. Поэтому, если виновный оставил на месте похищенной вещи ее стоимость, то это все равно не исключало понятия воровства.

Такое положение дел было свойственно и раннему советскому уголовному праву, теоретики которого также утверждали, что похищение должно иметь целью присвоение имущества или приобретение его, т.е. увеличение сферы своего имущественного обладания именно похищаемым имуществом (цель присвоения понималась именно как цель обращения чужого имущества в собственное) [7, с. 64-66]. Поэтому, если кто-нибудь, совершая преступление руководствовался иной целью, чем цель присвоения имущества, то лицо не могло привлекаться к уголовной ответственности за похищение имущества. При этом мотивы поведения лица, похищающего чужое имущество, были безразличны: действовал ли виновный в своих личных интересах, с целью личного обогащения или в интересах других лиц (например, желая передать похищенное имущество бедным), из мотива мести или злобы и т.д.

В то же время корысть в послевоенное советское время (в условиях плановой экономики) выступала основанием дифференциации уголовной ответственности за преступления против собственности. Наличие или отсутствие признака, характеризующего корыстную мотивацию и целенаправленность преступного деяния в имущественной сфере являлось базовым основанием деления преступлений против собственности на корыстные и некорыстные. Следует ли в этой связи говорить о том, что долгое

время отечественное уголовное право (в большей части, конечно же, советское) рассматривало и продолжает рассматривать именно корыстную цель в качестве непосредственного признака хищения. Теперь об этом свидетельствует законодательное указание на корыстную цель как на обязательный признак хищения. Это вполне естественно, ибо использование законодателем цели в качестве криминообразующего признака хищения является необходимым шагом, т.к. именно цель подчеркивает направленность умысла лица, совершающего противоправное завладение чужим имуществом.

Вместе с тем, понятие «корыстная цель» в советском уголовном праве вошло в законодательные формулировки и доктринальные определения тех или иных преступлений против собственности по причинам политического характера. Советские авторы полагали, что уголовно-правовая оценка мотива алчности, корысти в буржуазной теории права, не называющей корысть (корыстную цель) в качестве конструктивного признака похищения имущества «служит только средством затуманивания той вполне «законной» алчности, которая является движущей силой всякого эксплуататорского общества». Так, по утверждению Г.А.Кригера «в буржуазном обществе, где опасность хищений чужого имущества усматривается, прежде всего, в самом факте посягательства на «священное» право собственности, являющееся основой господства имущих классов, мотивам, внутренним побуждениям и целям, которые толкают виновного на завладение чужим имуществом не придается существенного значения. Более того, поскольку стремление к наживе составляет основу буржуазной морали, центр тяжести при оценке опасности имущественных преступлений переносится на факт распоряжения виновным чужим имуществом как своим собственным. Поэтому буржуазные теоретики проявляют в данном вопросе удивительнее единодушие, отрицая обязательность корыстной цели при хищении» [8, с. 11].

Итак, в науке уголовного права распространенным является мнение, что хищениям присуща корысть как цель либо мотив по-

буждения. Однако вопрос о том, что является источником этой корысти, решается неодинаково. Уголовное законодательство рассматривает корыстную мотивацию в качестве обстоятельства, повышающего уровень опасности посягательств на собственность и, соответственно, усиливает ответственность за совершение этих (корыстных) деяний. Современная же доктрина уголовного права по-разному подходит к вопросу о конструировании специальной цели при хищении имущества: 1) корыстная цель; 2) цель обращения имущества в свою собственность (намерение присвоить вещь); 3) цель извлечения имущественной выгоды; 4) цель распоряжения имуществом как своим собственным и т.д.

Тем не менее, сегодня само понимание сути корыстной цели и ее содержания продолжают оставаться многовариантным. Так, утверждается, что корыстная цель при хищении это: стремление к безвозмездному и заведомо противоправному присвоению чужого имущества для удовлетворения своих потребностей в нем; стремление обратить похищенное чужое имущество в свою собственность или собственность третьего лица (т.е. получение фактической возможности владеть, пользоваться или распоряжаться имуществом как своим собственным); незаконное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного; в пользу лиц, близких виновному, в улучшении материального положения которых он лично заинтересован; в пользу юридических лиц, с функционированием которых напрямую связано его материальное благополучие; в пользу других лиц, являющихся соучастниками хищения или состоящих с виновным в имущественных отношениях; извлечение имущественной (материальной) выгоды для себя или других лиц.

1. Козаченко, И.Я. *Содержательно-функциональная дифференциация корысти (состояние и перспектива)* / И.Я.Козаченко // *Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы* / *Материалы II Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова 30-31 мая 2002 г.* – М., 2003.
2. Миненок, М.Г. *Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы* / М.Г.Миненок, Д.М.Миненок. – СПб., 2001.

3. Есинов, В.В. *Грех и преступление, святотатство и кража* / В.В.Есинов. – С-Пб., 1894.
4. Познышев, С.В. *Особенная часть русского уголовного права.* – изд. 3-е / С.В.Познышев. – М., 1912.
5. Белогриц-Котляревский, Л.Е. *Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части* / Л.Е.Белогриц-Котляревский. – Киев, 1903.
6. Лист, Ф.Ф. *Учебник уголовного права. Особенная часть* / Ф.Ф.Лист. – М., 1905. – С. 143.
7. Жижиленко, А.А. *Преступления против имущества и исключительных прав* / А.А.Жижиленко. – Л., 1928.
8. Кригер, Г.А. *Уголовно-правовая борьба с хищениями социалистического имущества в СССР: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.08* / Г.А.Кригер. – М., 1965.